

ЛИТЕРАТУРА

1. Дрябина Л. А. Энеолитическое святилище Велижаны-2 под Тюменью // Словцовские чтения. Тюмень, 1985. С. 37–38; Она же. О жертвоприношениях на святилище Велижаны-2 // Словцовские чтения. Тюмень, 2001. С. 87–88.
2. Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методологический аспект). М., 1998.
3. Дрябина Л. А. Реконструкция ритуала на святилище Велижаны-2. (В печати).
4. Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археoaстрономического исследования археологических памятников (методологический аспект). М., 1998.
5. Leroi-Gourhan A. Prehistoire de l'art occidental. P., 1965. P. 155.
6. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. С. 61.
7. Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: «Алетейя», 1999. Т. 2.
8. Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. М.: «Энциклопедия», 1994. Т. 2. С. 161–164.
9. Элиаде М. Трактат по истории религий. СПб.: «Алетейя», 1999. Т. 2.
10. Потемкина Т. М. Модели организации сакрального пространства в энеолите степной Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. К столетию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 216–221.
11. Лушникова А. В. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 290–294; Ковалева В. Т., Рыжкова О. В., Шаманаев А. В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро-13. Екатеринбург: УрГУ, 2000.
12. Лушникова А. В. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002. С. 293.
13. Голан А. Миф и символ. М., 1993. С. 39.
14. Элиаде М. Священное и мирское // Миф о вечном возвращении. М.: «Ладомир», 2000. С. 251–393.
15. Дрябина Л. А., Шехова В. Н. Семантика культовой посуды святилища Велижаны-2 // Словцовские чтения. Тюмень, 2001. С. 90–91.

Вячеслав Юрьевич Софронов –
заведующий лабораторией

«История духовной культуры Западной Сибири»,
кандидат исторических наук,

Тобольский гос. пед. институт им. Д. И. Менделеева

Становление духовной школы Сибири

УДК 281.93(571)

Аннотация. В статье рассматривается становление в XVIII в. духовного образования в Западной Сибири, открытие школы при архиерейском доме и дальнейшая реорганизация ее в духовную семинарию.

The author tackles upon the issues of clerical education in the 18th century in West Siberia, such as the foundation of a clerical school and its further reorganization into a seminary.

Реформы Петра обнажили многие недостатки русского общества, среди которых одной из главных являлась необразованность духовенства. В Сибири эта проблема ощущалась еще острее. Мысль о специальном духовном образовании была впервые высказана Петром I патриарху Адриану после возвращения царя из его первого путешествия по Европе[1].

Московская академия по прямому распоряжению Петра I была преобразована по образцу Киевской академии и ее эллино-славянское образование заменилось латинским. Вместе с тем в академию перешли и все киевские школьные порядки, разделение классов, состав курса, школьные должности, экзамены, диспуты, школьное проповедничество, рекреации, пение виршей, театральные представления [2].

В результате реформ были отвергнуты старые византийские традиции и взят курс на римско-латинскую школу. Петр I призвал для исполнения своих замыслов иностранных специалистов, которые заняли практически все ключевые государственные посты. Но для школьной реформы нужны были высокообразованные люди, хорошо знающие русский язык. Подобных специалистов можно было найти лишь за монастырской оградой, где и была сосредоточена на тот момент вся российская ученость. Однако, не встретив поддержки с первых лет своего царствования со стороны русского духовенства, Петр здраво решил, что малороссы (украинцы) или, как их еще называли, «черкассы», станут более ревностно выполнять все его указы и нововведения, а потому в спешном порядке сменил в большинстве епархий великороссов на «черкасс», назначив их архиереями в наиболее крупных епархиях. Именно монахи из «черкасс» открыли первые духовные школы в Чернигове, Ростове, Смоленске, Тобольске, взяв за образец систему обучения Киевской академии, где целиком и полностью царили европейская школа латинской направленности.

ТОБОЛЬСКАЯ АРХИЕРЕЙСКАЯ СЛАВЯНО-РУССКАЯ ШКОЛА

С учреждением Св. Синода, согласно духовному регламенту, было приказано заводить школы по всем епархиям и содержать их за счет архиерейских домов из сборов с церковных и монастырских земель (по 30-й — с церковных и по 20-й части с монастырских хлебных доходов). Обучаться в них было обязательным для всех детей духовенства. Главное предназначение духовных школ виделось властям в подготовке детей духовенства «в надежду священства». Курс обучения был рассчитан на 8 лет и состоял из изучения: 1) грамматики или латинского языка, в котором рекомендовалось изучать историю с географией; 2) из арифметики и геометрии; 3) логики с диалектикой; 4) пиитики с риторикой; 5) физики с краткой метафизикой; 6) политики и 7) богословия в течение двух лет. По своей сути архиерейские школы являлись закрытыми учебными заведениями по «образу монастыря». Правилами предусматривались редкие свидания учеников с родными, распределением времени по точным «регулам» со строгим надзором за семинаристами ректора, префекта и других служителей.

Начало сибирской духовной школе положил указ Петра I от 9 января 1701 г., в котором повелевалось: «приказному человеку Тобольского Софийского дома из дворян Андрею Городецкому на Софийском дворе или где прилично, построить училище поповских, диаконовских и церковниковых детей, робяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам» [3].

Известный сибирский историк церкви А. И. Сулоцкий в своих трудах указывает, что в Тобольске в 1702–1703 гг. митрополитом Филофеем (Лещинским) была открыта духовная архиерейская школа [4]. В своей челобитной от 31 декабря 1702 г. митрополит просит о присылке «до школ на 16 окошек дать слюды из приказной палаты», поскольку «и строениям приходят в совершенство» [5].

В ответ царь через дьяка А. А. Виниуса ответил: «преосвященному митрополиту паче простираться в учение славяно-российской грамматики, и чтобы вся, яже попу или диакону надобно знать, изучились...» [6].

Но в отдельных вопросах царь-реформатор и сибирский митрополит не достигли, так сказать, консенсуса. Тобольский владыка считал, что в сибирской школе

должны обучаться дети всех сословий и непременно на латинском языке. Воспитанный на традициях Киевской академии митрополит Филофей видел в создаваемой им духовной школе не только учебное заведение, которое бы возвращало и обучало будущих служителей церкви, но, прежде всего, центр духовной культуры Сибири с фундаментальной библиотекой и собственной типографией. В послании от 31 декабря 1703 г. к Петру I он предлагал:

- 1) завести в Тобольске школу;
- 2) учить в ней не только детей духовенства, но и других сословий;
- 3) обучение вести на латыни;
- 4) на содержание учеников и на учебники дать пособие из казны;
- 5) завести при школе типографию («друкарню») с тем, чтобы печатать в ней учебники;
- 6) позволить школьным учителям и миссионерам приезжать в Сибирь беспрепятственно и оплачивать их проезд за счет государства.

Но Петр имел несколько другое представление и не одобрил большую часть предложений сибирского митрополита.

В качестве учителей были приглашены из Киева нескольких просвещенных монахов. Это было поручено «митрополичьему боярину» Сергею Иванову, который в августе 1702 г. прибыл в Москву из Тобольска для покупки «церковных треб и книг грамматических», а также для вывоза из Киева «учителей латынских наук 2, спеваков 4 чел., и студентов 2 чел» [7]. В дальнейшем один из них, Мартиниан, стал первым миссионером на Камчатке, архимандрит Варлаам (Коссовский) был викарием Иркутским, а Антоний (Платковский) архимандритом Вознесенского монастыря в Иркутске.

С целью приучить учеников славяно-русской школы к свободному произношению проповедей и речей, а вместе с тем «доставить увеселение и назидание для тобольских граждан», митрополит Филофей заставлял учеников разучивать и представлять трагедии, комедии и драмы, составителем которых большей частью был он сам. Сбор во время театральных представлений составлял довольно весомую статью школьных доходов, о чем говорят расписки учителей, получавших жалованье из собранных денег. Школьный театр продолжал существовать и в последующие годы. Так, учитель Кирьяков в 1737 г. по благословению митрополита Антония в прибавку к жалованию «получил 4 руб. из комедии».

Духовная школа, по мысли ее учредителей, должна была кроме всего прочего выполнять роль миссионерского центра. В ней предполагалось, с одной стороны, готовить проповедников «слова Божия», а с другой — набирать детей из числа местных народностей для обучения, а впоследствии ведения миссионерской деятельности в местах их коренного проживания. В 1718 г. в послании к архимандриту Верхотурского Никольского монастыря Сильвестру митрополит предписывает набирать в школу детей из числа новокрещенных остяков и вогулов: «а буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский ко учению, где многие новокрещенных робята учатся в грамоте» [8]. Келейником у митрополита был Петр Тунгус, который затем служил иподьяконом и письмоводителем при Тюменском правлении.

Дело Филофея (Лещинского) продолжил его преемник, митрополит Антоний (Стаховский) (1721–1740), также выпускник Киевской духовной академии. По прибытии на Тобольскую кафедру он разослал по всей епархии строгий указ, предписывающий священникам, диаконам и причетникам направлять своих детей в Тобольскую школу. В своем отчете на запрос Верховного тайного совета о состоянии архиерейской школы он сообщает: «Здесь обучалось 5 человек букваря малаго, часослова, псалтыря, писать и петь; 14 человек десятисловию и грамматики и од-

ному десятисловию 14». Следовательно, почти за четверть века существования школы ее закончило 33 человека.

С 1727 г. в школе обучается уже 57 человек, и 14 человек в Знаменском монастыре (где также была школа) осваивали письмо и нотное пение. В отчете сообщается и о причинах понижения числа учеников: «В епархии Тобольской дети к обучению весьма тупы; к тому же многие объявляют детей болезненных, которые по усмотрению в школу не приемлются». Тем не менее в отдельные годы число учащихся доходило до 90 человек.

Таким образом, Тобольской духовной школе с самого начала был придан ярко выраженный профессиональный характер по подготовке сибирского духовенства.

Обучение в школе велось с самого начала ее основания по букварю, часослову и псалтырю. Первоначально учащиеся пользовались катехизисом Петра Могилы, а затем он был заменен специальным указом Синода от 31 мая 1722 г. букварем Феофана Прокоповича. Учебником грамматики служила славянская грамматика Мелетия Смотрицкого, которые рассылались Св. Синодом по всем епархиям. Дисциплина в семинариях поддерживалась путем телесных наказаний не только учеников, но и учителей. Дореформенные семинарии получили в народе название «бурсы», а их воспитанников называли не иначе как «бурсаками». Скучное содержание вынуждало их искать заработок за счет так называемых «кондичий» (уроков), а также написанием прошений обывателям; многие из них собирали подаяния по дворам горожан, распевая псалмы, канты, а то и огородными работами.

Число лет, которые ученик тратил на обучение, зависело от его способностей. Причетник Андрей Старческий писал в 1743 г. митрополиту Антонию (Нарожницкому): «в прошедшем 1722 году взят был я для обучения при Тобольском доме митрополитанском в школу, где и обучался славяно-российской грамоте чрез шестилетнее время». О шестилетнем обучении говорит и бывший ученик школы Андрей Попов: «в прошедших годах от прошлого 1736 г. был я в Тобольску в домовом архиерейском училище лет с шесть и обучался на казенном коште чтению и писанию совершенно, а потом в 1739 г. я определен был учиться в латинскую школу к учителю Якимовичу».

Мало сведений сохранилось о первых учителях школы. Известно, что двое из них — Михаил Лукашевич и Тихон Карпов, — подписались под отчетом о состоянии школы за 1727 г. В 1736 и 1737 гг. встречается учитель чтения и пения Петр Кирьяков, а также учитель латинского языка Иван Якимович. Карпов и Кирьяков были, вероятно, уроженцами Сибири; Кирьяков называл себя сыном «тобольского попа» [9]. Они обучались в школе в г. Новгороде, куда были посланы «для обучения грамматического художества» по указу Св. Синода в 1723 г. [10].

Здание школы содержалось на средства архиерейского дома, а дети состоятельных родителей, согласно указу Петра I, состояли на собственном коште: «тем детям, у которых отцы приходских церквей люди не скудные, питаться и одежды на себя класть свои». Тем же, кто не мог себя обеспечить: «а детям скудным давать на одежду по две деньги на день да пищу из домовых доходов». Содержание учителей и покупка книг, согласно духовному регламенту, также возлагалась на архиерейский дом. Но бюджет архиерейского дома едва покрывал остальные статьи расходов, о чем Антоний (Стаховский) в 1723 г. доносил Св. Синоду, указывая, что архиерейский дом скуден за недородом, и служителей своих всех прокормить не может, церковных вотчин нет, монастырей, обильных хлебом, поблизости от Тобольска не имеется.

Содержать архиерейскую школу предусматривалось по специальной статье, о чем говорится в правительственном запросе 1727 г.: «по силе Регламента на про-

питание учеников всякого хлеба от монастырей двадцать-я, а у церковных земель тридцать-я часть берется-ли?» Однако специфика сибирского землепользования не позволяла рассчитывать на содержание школы за счет хлебного сбора, о чем Тобольская консистория и сообщала: «от монастырей на пропитание школьных учеников по силе духовного Регламента за скудностью не бралось».

Твердо установленной оплаты для учителей школы не предусматривалось. Их жалованье зависело от средств, которые собирал архиерейский дом. Холостые учителя жили при архиерейском доме и там же столовались «пищею при трапезе с братией», а иногда и с келейниками митрополита.

Если говорить о том, достигла ли Тобольская архиерейская школа тех целей, которые ставились при ее открытии, то в этом случае мы должны будем дать отрицательный ответ: грамотных священников в Сибири едва ли стало больше за короткий промежуток времени ее существования. В основном молодое поколение сибирского духовенства обучалось грамоте частным путем. Показателен такой факт: когда сибирское население присягало императрице Анне Иоанновне, то только половина священноцерковнослужителей смогла самостоятельно расписаться под присяжными листами; за остальных расписывались или другие, указывая в подписи, что священник такой-то «грамоте не умеет», или что он, поп, «очами скорбен» [11]. Но в любом случае Тобольская школа стала той основой, на базе которой в дальнейшем получила свое развитие духовная семинария.

ТОБОЛЬСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Несмотря на значительную историю и более чем полуторавековое существование Тобольской духовной семинарии, работ, посвященных ее истории, насчитывается буквально единицы. Практически все они были опубликованы в дореволюционное время в большинстве своем в «Тобольских епархиальных ведомостях». Хотя о «сибирских Афинах» писали и Н. А. Абрамов и А. И. Сулоцкий, но наиболее близко к обобщающему труду подошел Н. А. Бирюков. Последние его публикации относятся к 1918 г., и лишь смена власти и, соответственно, идеологических ориентиров, надо полагать, помешали ему выпустить монографию, подобную работе Г. А. Цветаева и С. Н. Замахаева [12].

В первые годы советской власти выходит работа Н. С. Юрцовского, в которой он рассматривает историю первого духовного учебного заведения Сибири, но пользуется при этом данными вышеназванных авторов.

Ряд новых сведений в своей фундаментальной работе сообщает А. Н. Копылов [13]. Отдельной брошюрой вышли публикации Б. О. Эристова, а также А. В. Чернышова [14]. В сургутской православной газете «Преображение» за 2002 г. была опубликована статья протоиерея А. К. Сидоренко «Краткий очерк истории Тобольской духовной семинарии», но она построена на общеизвестных фактах и новых документов не содержит.

Если предшественница семинарии — архиерейская школа — была открыта по прямому указанию Петра I, то в духовную семинарию она преобразовалась на основании указа 1737 г., исполнение которого затянулось на несколько лет [15].

Первые шаги по преобразованию духовной школы в семинарию были приняты тобольским митрополитом Арсением (Мациевичем) (1741–1742), возглавлявшим тобольскую кафедру всего два месяца. Об этом сообщает заказчик Царева Городища, что, согласно указу преосвященного от 12 ноября 1741 г. ему был направлен запрос «о наличии священно церковно-служительских детей, прислать к преосвященному имянные ведомости» [16]. Но после отъезда из Сибири преосвященного Арсения все ученики архиерейской школы вообще были распущены по домам.

Заслугу по преобразованию архиерейской школы в семинарию целиком приписывают очередному малороссу, выпускнику Киевской духовной академии, митрополиту Антонию (Нарожницкому) (1742-1748), прибывшему в Тобольск 19 февраля 1743 г. Но первые его послания в Св. Синод свидетельствуют скорее о его нежелании содержать школу при архиерейском доме, которая на тот период функционировала уже добрых четыре десятка лет. Он обращается в Св. Синод с просьбой о закрытии школы при архиерейском доме, поскольку «за скудостью епаршеских доходов латинским школам в Тобольску при доме архиерейском не быть». На что Синод, ссылаясь на указ от 20 июля 1742 г., отвечал, что для упразднения школ полномочий не имеет, а учеников содержать в школах пропорционально епархиальным доходам. И дальше ссылается на уже приводимые положения духовного регламента: «на содержание семинарии от знатнейших в епархии монастырей брать всякого хлеба двадцатую долю, да от земель церковных, где суть, тридцатую долю»; «а учителя или учителей довольствоваться из архиерейской казны» [17].

Но на этом митрополит Антоний не успокоился и «доношениями» в Синод и в 1744, и в 1745 и в 1748 гг. (!), вновь и вновь ссылаясь на «скудости епаршеских в дом архиерейский, также и монастырских доходов», предлагал закрыть семинарию. Меж тем 12 марта 1743 г. из тобольской духовной консистории по всем заказам был разослан специальный указ, в котором сообщалось о сборе детей духовенства в возрасте от 8 до 18 лет и их отправке в Тобольск. «По силе имянных Их Императорского Величества неоднократных указов и духовного регламента велено в доме архиерейском славенороссийской и латинской школах, для обучения в тех школах студентов в надежду священства» [18].

Сопоставляя те и другие документы, невольно закрадываются сомнения, что «официальной» датой открытия семинарии можно считать именно 1743 год. Н. А. Абрамов на этот счет указывает: «В 1744 году митрополит Антоний открыл семинарию под непосредственным своим наблюдением». Но в другой своей работе «Варлаам Петров» он довольно категорично заявляет: «Тобольская семинария, основанная в 1748 г. митрополитом Антонием II Нарожницким, помещалась в архиерейском доме, где к открытию ее и построено было каменное здание для шести классов» [19]. Более категоричен в этом вопросе А. Н. Копылов, который подчеркивает, что именно «в 1748 г. состоялось официальное открытие семинарии», считая, что преобразование духовной школы в семинарию происходило с 1743 по 1748 гг. [20].

В 1747 г. в Чернигов едет архимандрит Димитрий, который привозит учителей «словесных наук и философии»: Волынского, Блажевского и Граневича. Из Киева «около того ж времени» прибыли Русанович и Даневский, пять человек для шестилетней школы. А. Недосеков указывает: «Впоследствии, в сентябре 1749 г. киевский митрополит Тимофей (Щербацкий) отправил в Тобольскую семинарию учителем на класс риторики воспитанника Киевской академии Михаила Миткевича» [21]. С их приездом и начала свою непосредственную деятельность Тобольская духовная семинария, а это произошло именно в 1748-49 гг., хотя подготовка к ее открытию началась после 1743 г.

Еще Филофей (Лещинский) просил у Петра I разрешения вести в архиерейской школе преподавание на латинском языке, но такого разрешения не получил. [22]. Когда именно было введено преподавание латинского в Тобольской архиерейской школе, точно установить не представляется возможным. А. И. Сулоцкий на этот счет сообщает: «Известно только, что в конце 1727 года его еще не было... в 1739 г. оно, несомненно, уже было». В другой своей работе он более конкретен: «При преемнике Филофея митрополите Антонии Стаховском в 1728 году, школа эта была расширена присовокуплением к прежде преподававшимся пред-

метам преподавания латинского языка» [23]. Надо полагать, что латынь была введена в курс архиерейской школы при митрополите Антонии I (Стаховском) (1721–1740 гг.). Первым преподавателем латинского языка, по некоторым сведениям, стал священник Иван Якимович, прибывший в Тобольск из Киева.

Во вновь открытом в Тобольске духовном учебном заведении преподавание всех предметов велось на латинском языке — по образцу и традициям Киевской духовной академии. И это не вызывает удивления, поскольку первые организаторы семинарии, сибирские митрополиты, и практически все преподаватели первого набора являлись ее выпускниками. Это подтверждается семинарскими «Ведомостями», поданными в Тобольскую Губернскую канцелярию 20 октября 1780 г.: «Во оной преподаются на латинском языке: Грамматика и синтаксима, Пиитика, Риторика, Философия (четырёх частей логики, физики, нравоучительной науки, метафизики), Богословие» [24].

В низших классах семинарии использовались так называемые «экзерциции» и «оккупации». Под ними понимались особые письменные упражнения в переводах с латинского языка на русский и наоборот (слово «оккупации» с латинского *occupatio* — занятие, дело, выполнение работы). Макарий (Булгаков) поясняет, что «Первые сочиняемы были в классах и там же подаваемы учителю. Последняя ... составляемы были в домах и квартирах и представлялись учителю» [25].

Интересен педагогический прием, с помощью которого учителя семинарии могли воздействовать на нерадивых учеников: им вручался так называемый «калькулюс» — чистый лист бумаги в футляре. Семинарист должен был носить этот футляр до тех пор, пока не обнаруживал ошибки в ответе у кого-то из своих товарищей; если подобного не происходило, то он уносил злосчастный футляр с собой в спальню.

Детей духовенства принимали в семинарию уже прошедших первый этап обучения. Они должны были иметь необходимые навыки письма и чтения книг на русском языке. И эти обязанности возлагались на епархиальных заказчиков. Об этом красноречиво свидетельствует документ от 10 сентября 1750 г., который направил ишимский заказчик священник Михаил Соболев. В нем он сообщает, что, согласно указу от ноября 1748 г. и «над священно церковно-служительскими детьми во учении их иметь крепкое смотрение и неусыпное попечение» [26]. Дети, не сумевшие показать «своих успехов» в письме и чтении, отсылались домой еще на год для «совершенного обучения». Через год родители должны были вновь представить их на смотр в консисторию, иначе «будут штрафованы».

Но многие из присылаемых на учебу в Тобольск не желали или не имели возможности несколько лет провести за партой. Так, Иван Старцов (14 лет) из Верхотурья обратился к митрополиту Антонию с прошением о назначении его пономарем в Ильинскую церковь Муганского села, поскольку он остался сиротой вместе с сестрой и «отчасти славяно-русской граммате, то есть Часослова и Псалтыря обучился» [27]. При митрополите Сильвестре в 1752 г. был принят указ, согласно которому запрещалось назначать на должности священно- и церковнослужителей кого-либо без испытаний в умении писать, читать и знания церковной службы.

Вместо прежнего, уже устаревшего помещения славяно-русской школы, митрополит Антоний II (Нарожницкий) выстроил новое каменное здание для семинарии, поместив его при архиерейском доме. Им же была основана семинарская библиотека, без которой немыслимо обучение как таковое. Многие книги он пожертвовал от себя лично. Но основу семинарской библиотеки составили книги, оставшиеся после митрополита Антония I. Н. А. Абрамов указывает на такое изда-

ние: «*Maximam bibliothecam veterum Patrium et antiquorum scriptorum ecclesiasticorum in tomos XXVII distributam*» в 27 томах, на которых сохранилась собственноручная надпись митрополита Антония II, что они «*ex bibliotheca Metropolitana Toboliensi et Sibiricensi 1745 anno*».

Митрополит Антоний II скончался в Тобольске 9 октября 1748 г. и был погребен в Софийско-Успенском кафедральном соборе. Ему удалось провести преобразование архиерейской школы в семинарию, которая просуществовала вплоть до прихода к власти большевиков.

Семинария упрочила свои позиции с прибытием на Тобольскую кафедру 12 декабря 1749 г. митрополита Сильвестра (Гловатского) (1749–1755), который долгие годы был преподавателем в Казанской духовной семинарии. Имея достаточный опыт в деле подготовки будущего духовенства, он ввел должность префекта. Первым префектом стал выпускник Киевской академии, учитель риторики Михаил Миткевич. 7 марта 1752 г. он принял рясофор с именем Модеста, а 25 марта был посвящен в иеромонахи с именем Михаил. Затем он получил сан архимандрита Тобольского Знаменского монастыря с правом служения в митре, мантии с зелеными скрижалями и с посохом. Именно он стал в дальнейшем первым ректором Тобольской духовной семинарии.

Но еще долгое время тобольская семинария именовалась не иначе как «славяно-латинская школа». В семинарии того времени изучали букварь, часослов, псалтирь, краткий катехизис, славянский и латинский языки, нотное пение, грамматику, пиитику, риторику и изъяснение Св. Писания. Около 1755 г. ввелось преподавание философии. Названия классов семинарии звучали так: фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика и риторика.

Долгое время не была решена финансовая сторона вопроса: на содержание духовной семинарии в Тобольске ни у казны, ни у Синода лишних средств не находилось «за большими у казны расходами». И потому первое время преосвященный вынужден был содержать семинарию на штрафные деньги, собираемые с духовенства за те или иные провинности [28]. Тобольская семинария была переведена на казенное содержание по 490 руб. в год; (в 1780 г. финансирование повышено до 2000 руб. и с 18 декабря 1797 г. — до 4000 руб.).

Годовой денежный доход архиерейского дома во время управления епархией митрополитом Сильвестром составлял не более 1259 р. Из этих денег ежегодно до 500 р. тратилось на жалованье «домовым служителям», а 700 р. на «домовые потребности», строительство и ремонт епархиальных зданий, включая приходские храмы.

6 декабря 1755 г. митрополит Сильвестр покинул пределы епархии в связи с переводом на новое место служения. На Тобольской кафедре его заменил митрополит Павел (Конюскевич), который прибыл в Тобольск 20 ноября 1758 г. Именно при нем с 1763 г. в семинарии был введен полный курс предметов, обязательных для духовных заведений подобного типа.

Таблица

Количество учеников семинарии по классам с 1760 по 1767 гг. [29].

Классы	1760	1761	1762	1763	1764	1765	1766	1767
Философия					15	14	11	17
Риторика	16		17	15	24	25	14	20
Пиитика	9		13	14	13	8	19	16
Синтаксима	11		26	16	28	26	17	2
Грамматика	7	12	19		13	10	6	20
Инфима	10	11		20	5	10	8	10

Продолжение табл.

Аналогия				18				
Фара	38	45	28		27	15	27	22
Славяно-российская грамота				6				
Русская грамота								7
Заправилщики	88	76				12		
Всего	179	144	103	103	125	120	102	114
На своем содержании								35

Подводя итоги просветительской деятельности православной церкви в Западной Сибири в XVIII в., можно сделать такие выводы.

XVIII век стал переломным, поистине просветительским веком для Западной Сибири, когда в начале его были практически одновременно открыты гражданская и духовная школы в Тобольске, которая не прекращала своей деятельности вплоть до реорганизации ее в семинарию [30].

Именно духовенству принадлежит роль главного просветителя сибирского населения в XVIII столетии. Благодаря открытию архиерейской школы, а затем преобразованию ее в духовную семинарию по образцу Киевской духовной академии была налажена долгосрочная система обучения по подготовке священнослужителей. Тобольская духовная семинария на несколько десятилетий опередила открытие гражданского Главного народного училища, для которого в качестве учителей направлялись ее выпускники. С первых лет открытия семинарии перед ней была поставлена задача привлечения и подготовки учеников из числа коренного населения Сибири. Уже первые выпускники семинарии заняли довольно высокие посты в сибирской иерархии: **Никита Никитич Арамельский** (Арамильский) — стал учителем Тобольской семинарии, а затем протоиереем Троицкого и кафедрального Софийского соборов в Тобольске; в 1786 г. он принял монашество с именем **Никодим** и был назначен архимандритом в Енисейск. **Михаил Федорович Карпинский** получил должность кафедрального протоиерея (с 1786 по 1789 гг.). **Василий Яковлевич Копылов** был назначен учителем, а затем префектом семинарии, а также священником и ключарем кафедрального собора.

В семинарии изучались татарский и остяцкий (хантыйский) языки; в ее стенах были подготовлены первые в России словари татарского языка, а также переведены молитвы на остяцкий и вогульский языки. Все это повлекло за собой медленный, но неуклонный процесс просвещения сибиряков.

Несмотря на экономические трудности и минимальную поддержку центральной власти, сибирскими митрополитами были найдены средства для непрерывной и стабильной деятельности семинарии. Особенно важен тот факт, что в семинарии на полном материальном обеспечении находились сироты и дети из бедных семей духовенства. В 1764 г. были введены штатные оклады для преподавателей. Со временем Тобольская духовная семинария стала центром духовной культуры в Западной Сибири: в ней находилась богатая для своего времени библиотека с книгами, как на русском, так и на иностранных языках — именно в ней хранилась известная Черепановская летопись; при семинарии был открыт первый в Сибири театр; из нее направлялись студенты для замещения вакантных должностей гражданского ведомства.

В то же время далеко не сразу сибирское духовенство осознало необходимость обучения своих детей и прятало их от школы. Методы обучения в семинарии и

казанных школах не давали возможности развиваться студенческим дарованиям, а обязательный латинский язык выхолащивал ум молодых людей, о чем писали многие семинарские выпускники. Постоянно ощущалась нехватка преподавателей. Если на момент открытия семинарии учителей пригласили из Киева, то в дальнейшем подобный «вахтовый метод» не прижился и на должности учителей назначали преимущественно выпускников семинарии, а то и студентов старших классов. Надо отметить, что весь век шло становление семинарии и лишь в последние десятилетия был введен полный курс обязательных по программе предметов.

Таким образом, духовное просвещение в Западной Сибири шло в ногу со своим временем, накапливая опыт для дальнейшего роста и совершенства.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881. С. 7.
2. Знаменский П. В. История русской церкви. М., 1996. С. 389.
3. Чтения в обществе исторических древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь.
4. Сулоцкий А. И. Тобольская архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии. — «Иркутские епархиальные ведомости», 1875. № 3–7, 10.
5. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1350. Лл. 500–501.
6. Сулоцкий А. И. Тюмень–2000. Сочинения в трех томах. Т. 2. С. 32.
7. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. С. 10.
8. Судницын А. Тобольская архиерейская славяно-русская школа // Тобольские Епархиальные Ведомости 1894. № 13. С. 210.
9. Сулоцкий А. И. Сочинения в трех томах. Т. 1. Тюмень, 2000. С. 452.
10. Судницын А. Указ. соч. С. 214; Знаменский. Указ. соч. С. 151.
11. Знаменский. Указ. соч. С. 314.
12. Цветаев Г. А., Замахаев С. Н. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск, 1889.
13. Копылов А. Н. Очерки по культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974.
14. Чернышов А. В. Тобольская духовная семинария — кузница священно-церковно-служительских кадров Сибири (1743–1993) : Аннотированный указатель литературы. Тюмень, 1993.
15. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. М., 1994. С. 252.
16. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 79. Л. 15.
17. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 79. Л. 19 (об.).
18. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 79. Л. 20.
19. Абрамов Н. А. Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 259.
20. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 53.
21. Недосеков А. Антоний II Нарожницкий, митрополит Тобольский и Сибирский // ТЕВ. 1892. № 15–16. С. 331.
22. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. С. 108, 120.
23. Сулоцкий А. И. Указ. соч. // Библиотеки. Т. 1. Тюмень, 2000. С. 362.
24. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2069. Л. 1.
25. Макарий (Булгаков). История Киевской академии. СПб., 1843. С. 58.
26. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1087. Л. 29.
27. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1087. Л. 3.
28. ПСЗ. Т. XIII. С. 888–890.
29. ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2890.
30. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1350. Лл. 500–501; Ф. 214. Оп. 5. № 608. Лл. 1–2.